

Полина Луговцова

Курс
на
Арктур

В небе над нами горит звезда...

12+

Полина ЛУГОВЦОВА

Курс на Арктур

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Луговцова П.

Курс на Арктур / П. Луговцова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Полеты в космос были похожи на такую игру: смотришь в ночное небо, потом зажмуриваешься, и кажется, что ты паришь среди звёзд, в невесомости, а твое тело будто рассеялось и стало частью окружающего пространства, звездной пылинкой, летящей в потоке космического ветра к далеким бескрайним галактикам. Кто не играл в детстве в такую игру? Но стоило однажды Мише открыто заявить о своей способности путешествовать в космосе в виде облака, да еще рассказать о грозящем Земле инопланетном вторжении, и он вмиг превратился в посмешище. Перед ним встал серьезный выбор - найти для себя новый мир на далекой чужой планете или пойти на риск и спасти свой. Не отвернется ли он от тех, кто отвернулся от него? Ведь для выполнения плана спасения ему предстоит пройти страшные испытания: погрузиться в палящие лучи Арктура, пересечь границу гравитационного поля черной дыры и отправиться в особенное пространство, где до него еще никто не бывал.

© Луговцова П., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Космический холм	6
Ничто и «ничтожества»	12
Волшебная лампа	19
Лестница в небеса	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Полина Луговцова

Курс на Арктур

«Земля... Небо...»

Между Землёй и Небом – война,

И где бы ты ни был, и чтоб ты ни делал,

Между Землёй и Небом – война...»

В.Цой, группа «Кино»

Космический холм

Я хорошо помню день, когда всё изменилось. Эти изменения оказались гораздо страшнее тех, что произошли в моей жизни после появления младшего брата, и я думал, что хуже уже быть не может. Но тогда, в одиннадцать, я был ещё слишком наивен. С тех пор прошло два года, и теперь я посмеиваюсь над собой прежним. Пусть даже сейчас мне совсем не до смеха.

Это началось в парке, хотя от дремучего леса его отличают лишь растрескавшиеся асфальтированные дорожки, сохранившиеся с давних времен, да и те едва заметны под многолетним слоем опавшей листвы и сучков: никто никогда их не чистит, но из-за асфальта они не зарастают травой и побегами деревьев. Зато сверху над ними тесно сплелись ветви мохнатых сосен и искореженных кленов, отчего повсюду образовалась разветвленная сеть темных тоннелей, идти сквозь которые бывает жутко даже в ясный солнечный день. Особенно страшно там, где растет много кленов, проникших в сосновый бор из-за близости города. Я стараюсь на них не смотреть. Однажды, лет пять назад (это было ещё в то время, когда отец у меня был настоящий), мне показалось, что среди тёмно-серых корявых стволов притаилось огромное тысячаглавое чудовище: замерло и ждёт, когда я подойду поближе, чтобы сцапать. Сморщенная кожа, изрезанная частыми глубокими бороздами, сливалась с кленовой корой, но слегка шевелилась, будто вздымалась от дыхания. Тогда я был ещё мелкий и перепугался так, что родители долго не могли меня успокоить. С тех пор я не смотрю на клёны в этом парке – всё-таки они здесь странные. А в городских дворах клёны выглядят, как обычные деревья.

Возможно, все дело было в тенях, отбрасываемых раскачивающимися на ветру сосновыми ветвями, но, как выяснилось, была и другая причина. После той моей истерики мама отвела меня к окулисту, проверить зрение. Хотя я слышал, что родители спорили насчет психиатра. Папа был категорически против, а мама тогда сказала ему: «Я не переживу, если у него окажутся такие же «тараканы» в голове, как и у тебя!» Не знаю, обиделся ли папа, но я даже немного рассердился. А потом понял, что мама нервничает: все-таки орал я часа два, не меньше, упрямо доказывая, что точно видел живое чудовище. Папу так жалко было! Ведь только о всяких странных типах говорят, что у них «тараканы в голове».

Вскоре после этого мой папа исчез, и появился другой, которого мне никогда не было жалко. Даже наоборот, всё время хотелось, чтобы он попал в какую-нибудь передрагу. Не знаю, почему: новый папа меня не обижал, ни разу не ударил, хотя я, если честно, очень даже напрашивался и всячески портил ему жизнь. Ах, да! Всё же была одна оплеуха. Но об этом потом.

В общем, окулист выявил у меня серьёзное нарушение зрения. Оказалось, что это (я даже слово выучил) астигматизм. Ну, и в интернете вычитал: значит, у меня форма глазного яблока неправильная, отчего зрение искажается. Мама успокоилась сразу. Потом, тем же вечером, я услышал случайно, как она, рассказывая папе о моем диагнозе, вдруг прошептала тихо: «Пусть уж лучше астигматизм, чем шизофрения». А папа воскликнул громко: «Ну, ты даешь! При чём тут это?» И мне сразу стало ясно: значит, при чём. Я и о шизофрении почитал. Забавная штука! Люди видят то, чего на самом деле нет, зелёных человечков, например, или чудовищ, как я. Но у меня-то, к счастью, астигматизм, а не эта беда.

В городе можно было найти парки и получше, но мы всегда гуляли в этом, пока не появился новый папа. А потом, преодолевая страх, я стал бродить там один, и не потому, что я такой смелый. Парк будто вцепился в меня невидимым корнем и тянул: мои ноги, превращаясь в сжатые пружины, несли меня в самые непролазные дебри – туда, где попадались всякие зловещие странности вроде измазанных красной краской стволов и обрывков ткани на кустах, или ужасности вроде свежерытых глубоких ям, жутких, как могилы, так что я потом драпал прочь во весь дух, и после этого мне казалось, что дома не так уж и плохо. Хотя присутствие

нового папы всё же напрягало: с тех пор, как он у нас поселился, меня не отпускало странное чувство, будто в доме чужой я, а не он.

Вообще-то папой я называл его только вслух, и то потому, что мама попросила. И, надо признать, это «папа» давалось мне нелегко. Про себя я окрестил его Удавом. У него была фамилия Удавский, но прозвище я выбрал не только поэтому: он и внешне был вылитый удав: высокий, с длинной гибкой шеей, на которой слегка покачивалась вытянутая лысая голова со стеклянными глазами. Взгляд у него всегда был такой же гипнотизирующий и плотоядный. Когда он со мной разговаривал, то широко открывал свой змеевидный рот, будто собирался меня проглотить. Правда, разговаривал он со мной редко, по необходимости, а обычно почти не замечал. Наверное, ему тоже не очень-то хотелось меня видеть.

Целый год мы с ним терпели друг друга, сохраняя границы приличий: я старался как можно реже попадаться ему на глаза, запирался в своей комнате и выбирался на кухню только когда его там не было, а Удав не пытался лезть с воспитанием, даже когда мама в очередной раз ругала меня за что-то и я, естественно, огрызнулся во весь голос. В душе я был ему благодарен за то, что он никогда не вмешивался в наши споры, будто не слышал ничего, и спокойно занимался своим делом. Правда, потом, когда мама выходила от меня, через стену было слышно, как Удав давал ей советы: «Будь с ним поосторожнее. Совсем тебя не слушается. Если хочешь, давай я поговорю». Но мама, кажется, понимала, как и я, что это сказано лишь для вида и что до меня ему никакого дела нет. Не скрою, в такие моменты я со злостью думал: «Ага, поговорит он! Пусть только попробует! Тоже мне, папаша нашелся!»

Спустя год нейтралитет между мной и Удавом рухнул. Это случилось почти сразу после того, как у меня появился младший брат. Мне только исполнилось одиннадцать, и помню, что тогда я сильно испугался: мама круглосуточно занималась новым ребенком и, кажется, совершенно забыла о моем существовании. Чем настойчивее я пытался напомнить о себе, тем больше мне казалось, что она видит во мне назойливую муху: едва услышав мой голос, тут же отгоняет подальше, даже не пытаясь понять, что я говорю. Однажды мне всё-таки удалось привлечь её внимание, и я спросил прямо: «Я тебе что, больше не нужен?» Её рассеянный взгляд вдруг сосредоточился на моём лице, и, помолчав мгновение, она ответила неожиданно ласково: «Что ты! Не говори так! Просто твой брат сейчас совсем беспомощный. Не умеет ходить, говорить, ничего не умеет. И он требует очень много внимания. Ты тоже когда-то был маленьким, и я так же заботилась о тебе, как о Славике. Понимаешь?»

Оказалось, брата называли Славиком! Хуже имени не придумаешь! Зато оно ему отлично подходило: такое же сопливое и противное. Хорошо, что видел я его редко: в детскую меня не пускали. Мама говорила, что для малыша могут быть опасны всякие инфекции и вирусы, которые я мог принести из школы. Да я и сам не хотел туда заходить. Чего я там забыл? Только вот «инфекции и вирусы» показались мне слишком обидными, чтобы стерпеть это просто так, и я решил специально простудиться: однажды снял ботинки и часа два бродил в весенних лужах вокруг дома, думая о том, как слягу с высоченной температурой и буду кашлять, заглушая рев Славика. Тогда перепуганная мама станет хлопотать возле меня, и я буду видеть её рядом целую неделю, а может, и две!

Коварным планам не суждено было сбыться: Удав заметил меня в окно. Раньше я никогда не слышал, чтобы он кричал, и поэтому не сразу понял, кто это вопит таким пронзительным высоким голосом. Повернувшись на звук и обнаружив в распахнутом окне нашей квартиры его белое, перекошенное от злобы лицо, я перепугался до икоты. Ноги сами собой подкосились, и я плюхнулся в лужу, уронив в неё ботинки, которые держал в руках.

Извиваясь червяком, я выполз на покрытый ледяной коркой тротуар и поплелся домой, трясясь от ужаса и не замечая холода. В прихожей Удав схватил меня за капюшон куртки, и тот оторвался, а я упал на пол. Мне было страшно, как перед смертью. Но он меня даже не ударил. Повернулся и ушел в детскую, к своему Славике. Только, думаю, пусть бы он лучше

меня избил. А так получалось, что Удав меня пощадил великодушно. Пожалел. От его жалости мне стало противно. Будто он такой хороший, а я подлец какой-нибудь.

Через два дня я слег с ангиной. Горло жгло, а громко кашлять я не мог – скорее, хрипло лаял, как старый обессиленный пёс, и, конечно, не способен был заглушить плач Славика из соседней детской. К тому же дверь в мою комнату была всегда плотно закрыта, чтобы инфекции и вирусы не просочились, значит. Мама заходила редко. Приносила таблетки и ромашковый чай, совала мне градусник и уходила. Потом возвращалась, смотрела на градусник, молча хмурилась. Я тоже молчал. Говорить было больно, да и неохота. Что говорить? Понятно, что мама сердится. Но, зная, что виноват, я ни в чём не раскаивался. Никак не мог забыть оторванный Удавом капюшон и строил планы мести.

Вернувшись в школу после болезни, я в первый же вечер выместил злость, переколотив обломками кирпичей все окна школьного здания на первом этаже и несколько – на втором. Охранник метался в дожде из осколков и орал, но ничего не мог поделать: я был снаружи, в темноте. Школа, конечно, была ни при чём, и я до сих пор не понимаю, что именно толкнуло меня на этот шаг и почему я, имея шанс уйти незамеченным, специально остановился и посмотрел в камеру видеонаблюдения над парадным входом. Думал я в этот момент об Удаве и оторванном от куртки капюшоне.

Спустя несколько часов, уже ночью, из спальни родителей донесся звонок маминого телефона, а затем по взволнованным голосам мамы и Удава я понял, что они всё узнали. Помню, как сильно забилося мое сердце, но не от страха, а от безумной решимости, будто я готовился к бою с разгневанным великаном. Но «великан» даже не заглянул в мою комнату, а быстро оделся и ушел, хлопнув входной дверью. Только потом я слышал мамины шаги: она подошла к моей кровати, остановилась и вздохнула как-то очень жалобно. Я притворился, что сплю. Что я мог ей сказать? Она все равно бы ничего не поняла. Нет, она не глупая, просто я, наверное, объяснять не умею, точнее, сам себя понять не могу.

На следующий день занятия в школе отменили: на улице похолодало до минус десять, и в классах спешно меняли окна. Удав все оплатил и взял весь процесс под свой контроль. Вернулся поздно вечером, злой и уставший. Не разуваясь, прошел в мою комнату, тяжело ступая. Я с перепугу хотел было юркнуть под стол, за которым сидел, играя в компьютере, да не успел: жёсткая оплеуха обожгла мою левую щеку. Против моей воли слёзы позорно выплеснулись из глаз, и я вскрикнул, как перепуганный, но храбрый петух: «Не смей меня трогать! Ты мне не отец!» Удав ушёл, тяжело дыша, будто нёс на себе тонну груза. В дверь влетела мама и начала кричать, что я сам виноват и должен попросить прощения у отца, то есть у Удава, а ещё у директора школы и у всех учителей. Но заплакал Славик, и она ушла, так и не добившись от меня извинений.

После этого случая мама стала относиться ко мне так же, как и Удав: игнорировала, разговаривая только по необходимости. Через две недели был день рождения Славика. Они уехали вместе с ним праздновать в ресторан, куда, как я понял по их разговорам, было приглашено много гостей, а меня не взяли. Было обидно так, что я даже компьютер в тот день не включал: лежал на кровати, смотрел в потолок, глотая слёзы, и представлял, как пойду к железной дороге и лягу на рельсы, чтобы поезд мне ноги отрезал. А потом, когда спросят, почему я так поступил, скажу всем, что Удав довёл меня до этого.

Но мысль об этом испарилась, когда мне подарили велосипед. Это случилось в день моего рождения, спустя месяц с небольшим после дня рождения Славика. Вначале я решил, что поскольку мама пока не работает, деньги на подарок потратил Удав, и демонстративно отказался его принимать. Но мама заявила, что велосипед доставил курьер вместе с письмом от моего отца. Родного отца! Правда, кроме пожеланий хорошо учиться и быть молодцом, в нём больше ничего не было, да и написаны они были не от руки, а напечатаны на принтере, но сам факт потряс меня до глубины души: ведь я совсем не видел отца с тех пор, как он ушёл от

нас. И, конечно, мысль расстаться с ногами мгновенно выветрилась из головы. Я решил, что ноги мне ещё пригодятся, и крутил педали, как сумасшедший велогонщик, мчась по дорожкам своего любимого парка, уже начавшего оживать от весеннего дыхания. Несколько дней я захлебывался от радости, думая о том, что мой отец всё-таки сумел дать знать о себе, что он жив и помнит обо мне. Каждое утро, едва я просыпался и вспоминал о подарке, в моей груди будто распускался огромный прекрасный цветок. Всё-таки счастье – самое лучшее чувство на свете! Но вдруг оно закончилось: однажды цветок завял, а вместо лепестков из него вылезли длинные и острые колючки, превратив мою жизнь в настоящую пытку. Цветок стал кактусом, а я – несчастным. Лучше бы не было этого велосипеда!

Всё это случилось не из-за того, что я упал и ободрал коленки (это пустяки, сто раз падал), и не потому, что мама отругала меня за порванные штаны и куртку. Все оказалось гораздо хуже. Я услышал через стену, как она в пылу выкрикнула Удаву: «И зачем ты только купил ему этот велосипед?!» А тот вдруг зашипел: «Тс-с... Мы же договорились...» А она как выдала: «Зря ты настоял, чтобы я сказала, будто это подарок отца! Его отец бросил нас обоих, ни копейки не оставил, специально прикинулся дурачком, чтобы алименты не платить. Зачем создавать у сына иллюзию, что его отец хороший?!» Вот тогда-то и осыпались лепестки прекрасного цветка в моей груди. Удав ответил тихо, но я уже прикинул ухом к стене и ловил каждое слово: «Меня он никогда отцом считать не будет, даже если я ему сто великов подарю. И не примет те велики. Да и не покупается любовь вещами. Мальчишка скучает по родному отцу, вот я и хотел его по-настоящему порадовать». Тут из моего облезлого цветка полезли колючки. Я думал, они заколют меня насмерть – жуть как больно было, даром что боль воображаемая! У меня даже слёзы потекли, да не просто, а ручьями. Давно так не ревел!

После этого я ещё больше возненавидел Удава, а к велику даже прикасаться было противно. Недельку думал, что с ним сделать. Мама заметила, что я больше на нём не катаюсь, и даже прощения попросила, что накричала тогда. Сказала: «Бог с ними, с драными штанами! Я ведь за тебя испугалась. Иди, покатайся. Только будь осторожнее. Не гоняй уж слишком».

В общем, проехался я на этом велике до моста и оттуда его в реку сбросил. Стоял и смотрел, как исчезает в темной воде его блестящий хромированный корпус, чувствуя, что вместе с ним исчезают в груди колючки измучившего меня кактуса. Река проглотила велик и потекла себе дальше. Пошел и я – в парк, который как раз начинался за тем мостом. Тогда я впервые и увидел Крестю, чему в тот момент совсем не обрадовался.

Она сидела на моем Космическом холме и что-то рисовала. Раньше этот холм был нашим с папой секретным местом, а после того как папа исчез, я редко на него поднимался, но сейчас как раз собирался погоревать там в одиночестве и шёл, не глядя под ноги. Она первая меня заметила. То есть, она меня заметила намного раньше, но я этого не знал и не видел её до тех пор, пока на холм не взобрался, а иначе нашел бы себе другое место. Хотел даже сразу уйти, но она уже заговорила со мной:

– Привет, метатель велосипедов! – И рассмеялась так, что мне захотелось её толкнуть хорошенько да тоже посмеяться, глядя, как она с холма кубарем покатится вместе с мольбертом, красками и кисточками. Просто так уйти я уже не мог и огрызнулся:

– Твоё-то какое дело?!

И нарочно сел рядом прямо на траву, делая вид, что мне все равно. А она заговорила дальше, будто не видела, что я злюсь:

– Я бы свой велик никогда не выбросила, но у меня его нет. – И давай возить кисточкой по листу, пришипленному к доске.

Я нарочно в её сторону не смотрел, разглядывая украдкой с помощью бокового зрения, которое у меня было не хуже прямого (мама говорит, что это из-за особенной формы глаз – астигматизма, то есть). Вначале-то я подумал, что мы одного возраста: она выглядела, как мои одноклассницы – наверное, потому что была очень худая. Не кормили её, что ли? И походила

на чудного персонажа из старого мультика (не помню, как его там звали... такого, с огромными выпученными глазами и ушами-тарелками). Мультик дурацкий, я его видел только один раз, поэтому и вспомнить не могу. Чебо... Чиб... Чубарашка, что ли? Мама в детстве очень любила этот мультик и расстроилась, когда он мне не понравился. А я вообще не понял, как такое смотреть можно: облезлый какой-то и скучный. И порадовался, что в моем детстве не такие жуткие мультики.

Я сидел и думал, что бы такое обидное сказать этой девчонке, а она вдруг отложила кисточку, порылась в сумке и вытащила горсть конфет.

– Угощайся!

И улыбнулась так, что вся моя злость мигом куда-то исчезла. Я вообще-то к конфетам был всегда равнодушен, предпочитал картошку «фри» и нагетсы, вот их я готов был лопать, даже если не голоден, только мама редко разрешала, считала вредной едой. Так что даже не знаю, зачем я взял конфету, да еще и «спасибо» сказал. И ведь не собирался с ней знакомиться, но назвал свое имя, когда она сообщила, что ее Кристей зовут – сокращение от Кристины.

Вспоминая тот день, я с ужасом представляю, что было бы, если б я тогда свернул куда-нибудь, заметив её издали. Тогда бы вообще не было никаких шансов на спасение мира. Может быть, их и теперь нет, но благодаря ей я хотя бы знаю, что нужно делать. Только об этом потом.

А в тот день я ещё многого не знал. Просто сидел и жевал приторно-сладкую мармеладную конфету, то катая в руке скомканную в шарик оранжевую обертку, то расправляя её и в сотый раз перечитывая дурацкое название «Рыжая-бесстыжая». Забавно, что у Кристи были такие же рыжие хвостики, как у нарисованной на фантике конопатой девчонки.

Её рисунок на мольберте выглядел странно: расплывшиеся голые деревья под чёрным небом, а перед ними – часть озера, очерченная широкой жёлто-чёрной полосой, похожей на сигнальную ленту, какой полицейские ограждают место преступления. На поверхности озера виднелись какие-то знаки, нарисованные красным цветом. Присмотревшись, я разглядел в них буквы, как будто искажённые волнением воды. Они составляли два непонятных слова: ННЭТ АНОЕ. Я спросил, что это значит. Оказалось, она и сама не знала. Объяснила, что увидела всё это во сне, вот и решила нарисовать. И добавила, что этот рисунок ей совсем не нравится, но в нём может скрываться тайный смысл.

Я ей тогда, конечно, не поверил, но от её слов повеяло какой-то необъяснимой жутью. Да к тому же деревья на её рисунке были похожи на те самые не любимые мной клёны, что мы видели перед собой. Только они были подёрнуты зелёной дымкой, оттого что листья из почек уже полезли, а Кристя изобразила их совсем голыми. Но это были точно они: стволы так же искривлены, на одном – огромный нарост, будто из дерева голова чудовища высовывается, другое согнулось к земле, вот-вот завалится. У меня даже мурашки поползли, пока я их разглядывал.

Наверное, Кристе тоже стало неудобно, потому что она торопливо сняла рисунок с мольберта и стала махать им в воздухе, чтобы краска быстрее высохла. А тут ветер как дунет, листок из её рук и вылетел. Я вскочил, хотел поймать, но не успел, зато споткнулся о мольберт, и тот покатился вниз, громяхая. Вместе мы бросились за ним и одновременно схватили: Кристя – за одну половину, а я – за другую, и каждый к себе дёрнул. Хрясь! И щепки в стороны брызнули. Я готов был сквозь землю провалиться, думал, что сейчас она как начнет меня ругать, и уже готовил оправдания, типа, сама виновата, лучше надо было своё художество в руках держать, ведь из-за этого всё и вышло, а я-то как лучше хотел... Но она спокойно так встала, пошла обратно наверх и принялась складывать в сумку баночки с красками. Увидела, что я всё ещё сижу рядом с поломанным мольбертом, и крикнула:

– Да ну его, у меня другой есть! Мольберт ведь не велик, стоит недорого! А ты так и не объяснил, зачем велик в реку сбросил! – И снова улыбнулась. Мне тут же захотелось рассказать ей всё-всё, с самого начала.

И начинать пришлось с Космического холма. Вернее, с того, как мы с папой взлетали с него в космос. Повзрослев, я решил, что это была такая игра, но тогда и не сомневался, что всё по-настоящему: достаточно какое-то время посмотреть на ночное небо, потом зажмуриться покрепче, и вот ты уже паришь среди звёзд, в невесомости, а твое тело будто растворилось, рассеялось и больше не имеет к тебе никакого отношения, потому что ты теперь – нечто совершенно другое. Именно нечто – не человек, не живое существо, а сущность, состоящая из разума и энергии. Ты – часть окружающего пространства, звёздная пылинка, летящая в потоке космического ветра к далеким бескрайним галактикам.

Перед «стартом» отец держал меня за руку, но спустя несколько минут ощущение прикосновения исчезало, как будто оба мы переходили из твёрдого состояния в газообразное (мой отец был учителем физики, поэтому я очень рано узнал о подобном явлении). Оказавшись в темноте, я кружился в калейдоскопе мерцающих пятнышек света, представляя себя одним из них, и думал, что мог бы затеряться среди этого прекрасного хаоса, если бы не отец: его присутствие явственно ощущалось мной, и хотя я его не видел, но был уверен, что он ведёт меня за собой.

Ничто и «ничтожества»

Позже мои детские воспоминания об отце стали казаться мне очень странными. Я подозревал, что моё богатое воображение добавило к картинам прошлого немало собственных штрихов, отчего реальность и вымысел слились в неделимое целое. Ведь поверить в возможность перемещения на другие планеты без специальных летательных средств мог только полный безумец.

Перед тем, как взять меня с собой в первый космический полёт, отец попросил никому об этом не рассказывать, даже маме. «Особенно маме! – уточнил он и добавил: – Если она узнает, то решит, что ты болен, и страшно расстроится. Ты ведь знаешь, что мама всегда переживает из-за каждой твоей царапины и даже из-за насморка. Думаю, нет ничего дурного в том, если ты утаишь от неё один маленький секрет. А посторонним людям и подавно незачем знать об этом».

Сгорая от любопытства, я клятвенно пообещал сохранить всё в тайне, и мы полетели. На полёт это было совсем не похоже: ни чувства ускорения, ни бьющего в лицо ветра и свиста в ушах. Наоборот, казалось, я разом утратил нюх, слух и осязание. Как будто пространство, только что окружавшее меня, исчезло вместе с шумом кленовой листвы, сыростью пруда, шорохом камышей, утиным кряканьем и прохладой весеннего вечера. Зато я обнаружил, что вижу с закрытыми глазами. Причем, не только перед собой, а вокруг: космос, кишаший звёздными россыпями, открылся мне во всем великолепии. Именно кишаший – потому что звёзды не стояли на месте, они двигались, то медленно поднимаясь вверх подобно мыльным пузырям, то плавно снижаясь, как снежинки в безветренную погоду, то раскачиваясь, как солнечные блики на волнах, то кружась дружным хороводом.

Я увидел очень много звёзд, гораздо больше, чем обычно видел с Земли. А ещё они были здесь разноцветными и огромными, такими кляксами, слетевшими с гигантской кисти, пропитанной светящейся радужной краской. Вдруг они начали сливаться между собой и растягиваться, как резиновые, образуя пёстрые полосы. Я догадался, что мы ускоряемся: наверное, отец как-то управлял нашим полётом.

Все дальше и дальше уносились мы в космические просторы, и меня не покидало ощущение, что мы находимся внутри чуда и сами являемся его частью. То, из чего я состоял в тот момент (тогда мне не удалось понять, что это – материя, энергия или душа) целиком трепетало от восторга.

А потом я заметил в звёздном полотне круглую чёрную дыру. Звёздный свет волнообразно огибал её и подрагивал, как у старой люминесцентной лампы. Цветные полосы звёздного коридора вокруг нас пошли зигзагами и рассыпались кляксами, – я понял, что траектория нашего полета резко изменилась, а скорость снизилась. И тогда я увидел среди звёзд плывущие к дыре серые камни, длинную вереницу гигантских булыжников. Приближаясь к границам чёрного круга, камни вытягивались, превращаясь в тонкие макароны, и исчезали в темноте, как соринки в трубе пылесоса.

Внезапно над поверхностью одной из звёзд, окружавших дыру, взвился сияющий сноп звёздной пыли и устремился вслед за потоком камней. Он становился все длиннее, а звезда вместе с тем уменьшалась, будто ее растягивали, как жвачку. В конце концов, она превратилась в тонкий луч света, который плавно погружался в чёрную бездну до тех пор, пока совсем не исчез.

Это зрелище меня здорово испугало: я решил, что чёрная дыра, глотающая камни и звёзды, может проглотить и нас тоже. И, хотя я понятия не имел, что происходило в той дыре с космическими телами, но почему-то подумал о процессе переваривания пищи в желудке.

Оказалось, я был не очень далёк от истины. Вернее, от того, что считал истиной мой отец. Когда мы вернулись на Землю, то есть, открыли глаза и вновь очутились на Космическом холме, а я, потрясённый, приготовился выпалить первый из тысяч вопросов, расправивших меня, отец прижал палец к моим губам и произнёс:

– А сейчас я открою тебе самую важную тайну.

Я замер в предвкушении, как кладоискатель над крышкой только что выкопанного древнего сундука. Отец выждал приличную паузу, то ли подбирая нужные слова, то ли желая помучить меня и разжечь во мне любопытство, и я успел придумать множество версий того, что он скажет. К моему удивлению, самая невероятная из них оказалась верной.

– Я инопланетянин. – И все равно слова, произнесенные отцом, подействовали на меня как удар тока, – я дёрнулся всем телом и внимательно посмотрел на него: не шутит ли? На его бледном лице, едва различимом в сгустившихся сумерках, не было и тени улыбки, а во взгляде сквозило волнение.

– Арктурианин, – добавил отец чуть погодя.

Я кивнул, делая вид, что верю.

– Посмотри-ка вон туда! – Он вытянул руку вверх, показывая на небо. – Видишь самую яркую звезду?

Её трудно было не заметить: она висела прямо над нашим Космическим холмом.

– Это АрктУр, солнце моей планеты, АрктУрия. Арктурий находится за Арктуром, и с Земли его не видно даже в телескоп. Но однажды мы с тобой слетаем туда, когда ты наберёшься немного опыта в полетах. Сначала я должен научить тебя проходить чёрную дыру. Ты ведь заметил её?

Я снова кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Поверить в услышанное было так же трудно, как допустить мысль о том, что отец мне врал. Я склонялся к тому, что моё космическое путешествие было лишь игрой воображения, но, если так, то откуда отец узнал о том, что я видел чёрную дыру? Неужели дыра была реальна, как и наш полёт? Неужели мой отец был ино... арктурианином? Ведь он ничем не отличался от обычных людей!

– Чёрная дыра – это вход в пространство, которое мы, арктуриане, называем Ничто. Всё, что попадает туда, расщепляется до тех пор, пока не исчезнет. Внутри дыры и перед ней действует непреодолимая притягивающая сила, границы действия которой незаметны. Если пересячь невидимую черту, вырваться из-под влияния дыры будет уже невозможно. Чем больше космических объектов дыра проглатывает, тем дальше распространяется радиус действия её силы, поэтому там, где сегодня было вполне безопасно, через какое-то время может появиться зона невозврата. Ты должен научиться определять эту границу, ведь может случиться так, что однажды ты отправишься в полёт без меня.

Я почувствовал, как округлились мои глаза.

– Без тебя? Разве я смогу полететь в космос один?

– Сейчас, конечно, нет. Но я научу тебя. В этом нет ничего сложного, главное – понять, как это работает. Ты, наверное, слышал о силе самовнушения? Приведу для примера один известный в науке факт: если человеку показать кружку с кипятком, а затем неожиданно выплеснуть на него холодную воду из другой точно такой же кружки, это может вызвать на его коже реакцию, сходную с ожогом. Понимаешь, о чём я?

Я отрицательно помотал головой и возразил:

– Где кипяток и где космос! Что тут может быть общего?

– Ничего, – невозмутимо ответил отец и продолжил: – Всё дело в силе воображения, то есть – мысли, только в ней. Вот человек всего лишь представил, что в него плеснули кипятком, и получил реальный ожог. Его тело подчинилось силе мысли. А ведь он точно так же может представить, что способен рассеиваться до мельчайших частиц и в таком виде перемещаться

в космическом пространстве. И у него получится, если сила его мысли окажется достаточной для этого.

– Ого! Значит, кто угодно может летать в космос без всяких ракет, просто превращаясь в облако пара?

– В теории – да. Но это лишь предположение, основанное на том, что строение организма арктурианина и землянина одинаковое. Вероятно, земляне утратили эту способность и даже не помнят, что когда-то обладали ею. А может, они никогда и не подозревали об этом, потому что земная цивилизация пошла по индустриальному пути развития, и ресурсы человеческого разума остались не изучены. У нас, арктуриан, тренировки по развитию силы мысли начинаются с раннего детства, а летать самостоятельно, без наставника, мы можем примерно в тринадцать-четырнадцать лет, если судить по земным меркам. В этом возрасте ты тоже сможешь летать один. А пока твоя задача – развивать силу мысли. Для удобства арктуриане изобрели специальный тренажёр, хотя можно обойтись и без него, но с ним процесс пойдет быстрее. Вот, взгляни-ка.

В руках отца появился предмет, с виду не отличимый от обычного смартфона, только на корпусе не было никаких надписей, да и сам корпус представлял собой лишь узкую чёрную рамку, в которую было вставлено нечто вроде экрана из толстого мутного стекла.

– Что это? – Я с трепетом взял инопланетную вещицу и прикоснулся к экрану. Тот ожил, засияв серебристым светом: в моих руках будто звезда вспыхнула!

Я на миг зажмурился, а когда вновь открыл глаза, сияние экрана угасло, и в центре появилась картинка: два соприкасающихся друг с другом синих шарика.

– Это какая-то игра? – спросил я немного разочарованно. В компьютерных играх мне нравились «стрелялки» и «бродилки» с красочным дизайном, а эта была похожа на что-то совсем уж примитивное вроде «тетриса» для дошкольников.

– Так и есть, развивающая игра, – подтвердил отец, и мой интерес к этой штуковине совсем угас. Но ненадолго.

– А что надо делать? – спросил я лишь для вида, чтобы не расстраивать отца своим безразличием.

– Попробуй разъединить шары.

– Ладно. А где кнопки? Куда нажимать?

– Все кнопки в твоей голове, – ответил он с загадочной улыбкой.

– Как это? – Я в недоумении уставился в экран. Синие шарики слегка подрагивали и искрились, как наэлектризованные.

– Разъединяй их мысленно. Просто вообрази, что они покатались в разные углы, например.

– Э-э, так неинтересно. Ты шутишь! – возмутился я. – Предметы перемещаются взглядом только в кино!

– Пробуй, не бойся.

– Да пробую я! Никуда они не двигаются!

И под мой сердитый возглас шарики разлетелись в стороны и заметались по всему экрану. На миг показалось, что они вот-вот соскочат с него и покатаются по траве.

– Ух, ты, как же круто! Пацаны узнают – от зависти лопнут! – воскликнул я, окрыленный успехом, но отец тут же меня осадил:

– Ты уже забыл, что обещал хранить всё в тайне?

– Ох, точно! – спохватился я и приуныл: такую тайну держать в себе будет очень трудно.

От такой тайны можно вообще лопнуть! И я спросил с надеждой переубедить отца: – Но почему нельзя рассказать об этом? Люди обрадуются, когда узнают о таких возможностях! Ты только покажи эту штуковину каким-нибудь учёным, и сразу прославишься на весь мир!

– Эта штукавина называется устройством, усиливающим мысль, коротко: УУМ, и нужна мне здесь не для славы. – Отец задумчиво сдвинул брови. – Я хотел тайно создать на Земле школу защитников. Их всегда не хватает.

– Каких защитников?

– Как бы тебе объяснить... – Отец потёр переносицу, обдумывая слова. – Пожалуй, объясню чуть позже. Вначале расскажу, почему так важно сохранять тайну. В общем, поделился я однажды с одним коллегой, таким же учителем физики, показал ему УУМ, признался в своём арктурианском происхождении. Он загорелся вначале, идею о создании школы поддержал, но попросил меня взять его с собой в космический полёт. Я ответил, что мне будет не под силу поднять его в космос. Ох, он и разозлился! А потом заявил, что я сумасшедший и разнёс мою тайну по всей школе. Дошло до родителей, те подняли шум, возмутились, пошли к директору, кричали там: мало ли, что у психа на уме, заразит ещё детей своими бредовыми идеями. Директор потребовал, чтобы я прошел психиатрическое обследование. Пришлось подчиниться. И, хотя я принёс ему справку о том, что не дурак, слух по школе до сих пор идёт, а многие ученики перешли в параллельные классы, где физику преподаёт тот коллега. Грач его фамилия.

– Ох, ну ничего себе! Вот он злодей! Но... а почему ты ему отказал? Не взял с собой в полёт, как меня?

Отец покачал головой и принялся объяснять:

– Стар он для этого. Разум человека с годами теряет гибкость, деревенеет подобно крепнущему побегу, его уже не перестроить. Даже арктуриане, не освоившие науку полетов в детстве, так и остаются нелётными на всю жизнь. Когда я летаю с тобой, твоя мысль не тормозит меня, она развивается. А с ним мы могли бы упасть и разбиться. Он слишком тяжёлый, а его мысль – непреодолимый тормоз для таких полётов.

– Ясно. Но ведь директору ты и без справки мог доказать, что не сумасшедший! Мог ведь показать ему, да и этим родителям, которые тебя психом называли, как летаешь? – не унимался я. – Все бы просто обалдели, увидев, как ты превратился в облако и исчез!

– Хм... С чего ты взял, что со стороны это так выглядит?

– Ну, а как еще... – Я растерянно пожал плечами. – Ты ведь сам сказал: «тело рассеивается...»

– Всё верно, только увидеть этого нельзя. За время нашего полета на Земле не прошло и секунды. Для случайного наблюдателя мы с тобой просто сидели на холме с закрытыми глазами. Дело в том, что сила, исходящая из чёрной дыры, создает временную аномалию в космическом пространстве. Точно не знаю, как она действует, но, улетаю на Арктурию, я всегда возвращался на Землю в точности в то же время, в какое стартовал с неё. И это при том, что на родной планете я находился довольно долго, иногда даже по нескольким земным лет!

– А... – вылетело у меня, и я на мгновение застыл с открытым ртом, внезапно раздумав говорить то, что собирался, но потом всё-таки выпалил: – Мама считает, что ты завел другую семью и поэтому так часто пропадаешь по ночам!

Отец невесело рассмеялся, обнял меня одной рукой и, притянув к себе, произнёс успокаивающе:

– Нашу маму я никогда ни на кого не променяю, если ты об этом. Я полюбил её с первого взгляда, да и тебя тоже, как только ты родился. Другой семьи у меня нет и не будет. А на Арктурии остались мои родители и друзья, которых я иногда навещаю. Для этого мне приходится уходить из дома по ночам, потому что для полета нужно выполнить два условия: первое – находиться на открытом месте, чтобы бетонные стены или другие конструкции не могли помешать взлёту, а второе – стартовать, глядя на Арктур, когда эта звезда появляется в вечернем небе. Ее свет служит мне путеводителем к родной планете. Поэтому я почти не вру, когда говорю маме, что по ночам ухожу смотреть на звёзды.

– А она плачет, когда ты уходишь. Лучше бы ты рассказал ей всю правду, и про полёты, и про то, что ты – арктурианин! – заявил я. Мне было жаль и отца, и маму: в последнее время они ссорились всё чаще, а может, так казалось, потому что я подрос и понял, что ссоры – это не только крики и слезы, но и колючие взгляды, упрямо сжатые губы, долгое молчание, – раньше я был ещё мелкий для подобных тонкостей.

– Насчёт правды я тебе уже объяснял. Взрослые люди её не примут, им проще поверить, что я сумасшедший. Да к тому же до мамы дошли слухи о том, что я проходил обследование в психушке... помнишь, я тебе говорил? И, хотя отклонений от нормы у меня не выявили, а клеймо психа осталось. Все решили, что я скрываю настоящий диагноз, называют «за глаза» шизофреником, и мама в том числе. Поэтому я прошу тебя, никогда и никому не выдавай мою тайну.

Отец замолчал. Я не нашёлся, что сказать на это, только прерывисто вздохнул. Какое-то время мы сидели в тишине, слушая шуршание камышей, доносящееся со стороны пруда. Арктур ярко сиял над нами, выделяясь среди звёзд крупными размерами и необычным красноватым оттенком. У меня вновь закрались сомнения в том, что можно вот так просто взять и долететь до него. И, когда отец снова заговорил, я приготовился услышать что-то вроде: «Ну, как я тебя разыграл, а? Не было никакого полёта! Тебе казалось, что ты летишь среди звёзд, потому что перед тем, как зажмуриться, ты смотрел на звёздное небо!» «А как же УУМ? Я ведь толкнул шарики взглядом! И ещё защитники. Кто они?» – не утихал мой внутренний голос, и отец, будто услышав этот немой вопрос, сказал:

– Моя миссия на Земле состоит в том, чтобы защитить людей от опасности.

– От опасности? – переспросил я встревоженно.

– Вернемся к теме чёрной дыры. Как я уже говорил, внутри неё находится так называемое Ничто, в котором заключена страшная разрушительная сила, стремящаяся уничтожить Нечто – то есть, все то, что существует. Эта сила притягивает космические тела, оказавшиеся в поле её действия. Но для Ничто этого мало. Оно хочет получить все. В том числе и Землю.

– И может это сделать? – Я вскинул на отца испуганный взгляд.

– Так далеко ему не дотянуться, но Ничто производит и распространяет хитрую заразу – паразитов, которых у нас на Арктурии называют «ничтожествами». Они разлетаются по галактикам вместе с метеоритами, падают на планеты и заражают их подобно тому, как семена злых сорняков заражают возделанные земли.

– Значит, все метеориты заразные? – поразился я.

– Не все. Только те, что были выброшены из Ничто. Их поры заполнены особыми частицами – теми самыми «ничтожествами», основная цель которых – уничтожать. Но, как и любые вредители, поначалу они слабы и поэтому не так уж и опасны – главное, вовремя заметить их и нейтрализовать. Этим занимаются специально обученные защитники, такие как я. Ничтожества хорошо маскируются, они могут принимать любую форму, размер и облик, но мы – защитники – умеем определять их по особым приметам. А однажды найти «ничтожеств» мне помог ты.

– Как это? Я даже не представляю, как они выглядят! – удивился я.

– Я тоже не представляю. Зато знаю, чем отличается то, во что они превратились, от оригинала. Помнишь, как ты испугался клёнов, которых принял за чудовищ?

– Ну, ещё бы! Мне показалось, что они шевелились, как живые!

– Тебе не показалось. – Отец перехватил мой изумлённый взгляд и кивнул. – Да, я тоже видел это. Позже я вернулся в то место, нашёл паразитов и нейтрализовал их. Для этого у меня есть особое оружие, и однажды я покажу тебе его, если хочешь.

– Ещё как хочу! – воскликнул я, радуясь, что оружие против инопланетных вредителей все-таки есть, а значит, с ними можно бороться.

– Увидеть признаки присутствия «ничтожеств» можно только боковым зрением, которое у тебя, как и у любого арктурианина, хорошо развито, – продолжал отец.

– А при чем... – начал было я и получил ответ ещё до того, как понял, что именно хочу спросить.

– Ты же мой сын, наполовину арктурианин, и неудивительно, что у тебя такое же строение глаз, как у меня.

– Так это не астигматизм?

– Конечно, астигматизм. Любая форма глаза, отличающаяся от привычных норм, так и называется.

– И что? «Ничтожества» похожи на искорёженные ожившие клёны?

– Они могут быть похожи на что угодно – на клёны, на птиц, на человека. Но только внешне. Они создают что-то вроде миража, но, если сделать вид, что не смотришь на них, то боковым зрением можно заметить, как созданная ими картинка расплывается, а её контуры идут волнами, как бы струятся.

– Выходит, «ничтожества» уже на Земле! – выдохнул я, холодея от страха.

– Тех, что ты видел, уже нет, а новых я пока не обнаружил. Ещё в нескольких городах не так давно были случаи, но сейчас все под контролем.

– В нескольких городах? – потрясённо переспросил я, осознав, что это означает.

– Верно, я не единственный арктурианин, живущий на Земле. Есть и другие. За каждым защитником закреплена своя зона.

– Но почему арктуриане защищают Землю? Просто потому, что такие добрые? Ведь могли бы защищать только свою планету, и всё.

– Ну, а ты разве не защитил бы слабого, если бы мог? Ведь не все способны постоять за себя сами, – объяснил отец.

– Не все, – согласился я, чувствуя растущую внутри гордость от мысли, что я сын космического защитника и, возможно, тоже им стану.

Внезапно я вынырнул из воспоминаний и уставился на свою новую знакомую, о которой совершенно забыл. До меня вдруг дошло, что я выболтал ей все свои сокровенные тайны, которые, должно быть, показались ей глупой выдумкой, и, каменея, приготовился к насмешкам. Но у Кристи был такой вид, будто ей не терпелось что-то сказать. И точно, едва я замолчал, как она тут же затараторила:

– Я ведь знала твоего отца! Он преподавал старшеклассникам физику, а у нас вёл кружок астрономии! Все в школе до сих пор его помнят.

Я тут же обрадовался, подумав о том, что Кристиа может рассказать мне о нём что-то новое.

– Ведь твоего отца зовут Игорь Петрович, верно? – запоздало уточнила она.

Я кивнул и спросил, не в силах скрыть растущее волнение:

– Ты не слышала, что с ним случилось?

Кристиа погрузнела.

– Почему ты спрашиваешь? Разве не знаешь?

– Мама говорит, что он бросил нас и притворился дурачком, чтобы алименты не платить.

Но я не верю.

– Странно, почему твоя мама так считает. На самом деле Игоря Петровича заперли в психушке после того, как в нашей школе погиб один мальчик, который спрыгнул с крыши, поверив, что может летать. Друзья этого мальчика рассказали, что он вроде как хвастался особыми способностями, позволяющими ему рассеиваться и перемещаться в космическом пространстве в виде облака из мельчайших частиц.

– Вот это да... Но как?! – закричал я изумлённо.

– Игорь Петрович утверждал, что поделился этой информацией только с другим учителем физики, и больше ни с кем. Он не смог объяснить, как всё это стало известно погибшему мальчику. Но никто ему не поверил, все решили, что твой отец внушал ученикам такие мысли, и поэтому тот мальчик погиб по его вине. Игоря Петровича хотели даже посадить в тюрьму, но потом признали невменяемым и перевели в психушку.

Я почувствовал боль в большом пальце правой руки и обнаружил, что стиснул его зубами. На коже отпечатались полукружия синеватых ямок.

– Ты знаешь, в какой он больнице? – спросил я, спохватываясь.

Кристия отрицательно мотнула головой. Рыжие хвостики скользнули по её веснушчатым щекам.

– Мы пытались выяснить, звонили везде, но нам отвечали, что это личная информация, которую сообщают только близким родственникам.

– Я – близкий! – Во мне вспыхнула надежда на встречу с отцом, но слова Кристи погасили ее:

– Близкие родственники должны быть ещё и совершеннолетними.

– Чёрт! – вырвалось у меня.

– Послушай! – Она вдруг вцепилась в моё плечо, приблизилась и зашептала, хотя рядом с нами никого не было: – Думаю, что мы с тобой не случайно сегодня встретились. Твой отец меня сюда направил!

– Так ты его видела всё-таки? – тоже шёпотом потрясённо выдохнул я.

– Нет... То есть, видела, но во сне. Помнишь, я говорила, что нарисовала место, которое мне приснилось? Так это Игорь Петрович привел меня сюда!

Моя спина покрылась мурашками. И, хотя речь шла не о реальной встрече, я чувствовал, что отец приснился Кристе неспроста. Тотчас же к горлу подступила горечь обиды от того, что отец не появился в моём сне. Он мне вообще ни разу не приснился с тех пор, как исчез!

– Вот так прямо взял и привёл? – уточнил я, пряча хмурый взгляд.

– Мне приснилось, как я пришла на урок физики, а там никого из класса нет, и вместо нашего учителя – Игорь Петрович, будто и не увольнялся из школы. Он улыбается и говорит мне: «Сегодня урока не будет, поэтому можешь рисовать открыто и не прятать от меня рисунки, как обычно». А я удивляюсь: надо же, знал, что я рисую на занятиях, а ни разу замечание не сделал! И отвечаю: «Тогда давайте я нарисую то, что вы захотите». Он прям обрадовался, закивал: «Да, мне хочется, чтобы ты нарисовала для меня один пейзаж. Пойдем, я покажу тебе это место». И привел меня в этот парк, прямо на этот холм. Я смотрю – а внизу, напротив кленов, лента жёлтая натянута и на озере буквы странные. Обернулась, чтобы спросить у Игоря Петровича, надо ленту и буквы рисовать или нет, а он отвечает: «Это – самое главное!» И всё, я проснулась. Потом пришла сюда, нашла место из сна, только ленты не увидела, и пришлось по памяти рисовать. А тут ты! Я, как поняла, что Игорь Петрович – твой отец, сразу догадалась: ему не рисунок мой нужен был, а просто он хотел устроить нашу встречу. Вот только зачем?

Волшебная лампа

Помню, когда мне было лет семь, я впервые услышал чудное слово «антресоль» и решил, что это либо соленая рыба вроде анчоусов, либо разновидность мясной котлеты, как антрекот.

– Разбери уже, наконец, свою антресоль! – сказала однажды мама, обращаясь к папе (к настоящему папе), и тогда выяснилось, что «антресоль» – это самый обычный встроенный шкаф над входной дверью, чему я невероятно удивился. По-моему, такое название к шкафу никак не подходило. А, может быть, я в тот момент просто есть хотел, поэтому думал о рыбе и котлетах.

Отправившись взглянуть на «антресоль», я вышел в коридор и застал маму стоящей на стремянке у этого шкафа. С сердитым видом она пыталась вытащить что-то из массы вещей, заполняющих всё пространство между распахнутыми настежь дверцами.

– Что ты там потеряла? – из комнаты проворно вынырнул встревоженный папа.

– Что надо! – недовольно ответила она. – Тут и мои вещи есть.

– А что они делают в моей антресоли? – Папа остановился рядом с пошатывающейся стремянкой и, задрав голову, стал следить за мамиными действиями.

– Развел бардак! – воскликнула мама, дёргая к себе нечто, застрявшее в плотной куче непонятных предметов.

– Слезай. Скажи, что ты там потеряла, и я сам достану. – По голосу папы я понял, что это не просьба.

– Достанет он! И так уже достал! Сколько учу тебя аккуратности, всё бесполезно!

От маминых стараний стремянка угрожающе раскачивалась, и папа придержал её.

– Слезай! – повторил он требовательно и добавил с нажимом: – Никогда не складывай в мою антресоль свои вещи!

– Ну, давай, ещё подели весь дом на «твоеё» и «моеё»! – Мама фыркнула и дёрнула сильнее.

– Так это же ты начала! – удивлённо воскликнул папа.

И тут произошел обвал.

После очередного маминого рывка застрявший предмет выскочил из общей массы, а вслед за ним вниз градом посыпалось все содержимое «антресоли». На полу образовалась бесформенная куча, от которой в стороны покатались, подсакивая, пластмассовые шары разных цветов и размеров, а к моим ногам прилетела подзорная труба.

– Модель вселенной! Ты сломала её! – Папа схватился за голову.

Мамин взгляд скользнул вдоль коридора, оценивая масштабы погрома, и вновь устремился в недра «антресоли».

– Это что еще за каменюка? – Мама потянула к себе нечто, похожее на полупрозрачный многогранный кристалл прямоугольной формы размером со средний цветочный горшок.

– Ну, вот что ты натворила! – продолжал причитать папа, собирая шары и складывая их в общую кучу рядом со стремянкой. Заметив, что мама все ещё возится в шкафу и не собирается спускаться вниз, он подхватил её за ноги, снял с лестницы и поставил на пол, а потом ловко выхватил кристалл у неё из рук.

– Что это за камень? – Мама попыталась забрать кристалл обратно, но папа увернулся.

– Не камень, а светильник... Просто ночная лампа.

– Правда? – удивилась мама. – Очень даже симпатичная лампа. Неплохо будет смотреться у нас в спальне.

– Она сломана! – гневно вскричал папа.

– А что ты на меня орешь? Как будто это я её сломала! – обиделась мама.

– Ты и без этого много чего тут переломала!

Родители ещё долго ссорились, потом всё-таки помирились и начали вместе наводить порядок, а я заморожено смотрел на лампу, оставленную папой на обувной тумбе, вернее, на розоватый кристалл, из которого состоял её корпус. Мне казалось, что в нём точно было что-то волшебное. Кристалл притягивал меня, и я, не в силах бороться с искушением, незаметно взял лампу и скрылся в своей комнате. Мои пальцы нащупали на её поверхности крошечный пластиковый рычажок и нажали на него. Раздался щелчок, и кристалл вспыхнул, озарив всё вокруг тёплым светом, таким ярким, что белый день за окном мгновенно потускнел. Глазам стало больно, и я, испугавшись, что ослепну, вернул тумблер в первоначальное положение. Свет погас, но не мгновенно, а плавно, словно яркость постепенно убавили до нуля. Моё дыхание сбилось от накотившего восторга: я был уверен в том, что видел волшебство.

Не знаю, сколько я так простоял в обнимку с кристаллом. Опомился, когда в комнату заглянул папа, увидел у меня в руках свою лампу и сразу же отобрал со словами: «А ну-ка верни! Всё-таки это тебе не игрушка!» Я так и не осмелился спросить, почему он соврал, что лампа сломана. Этот незаданный вопрос мучил меня целых три года, и когда я узнал ответ на него, то почти не удивился, хотя любому другому человеку это показалось бы совершенно невероятным.

Тайна волшебной лампы открылась мне в тот же вечер, когда мы с отцом вернулись с Космического холма после первого совместного выхода в космос. Мою голову распирало от шокирующей информации, поэтому, когда отец извлёк кристалл из укромного места под шкафом, куда перепрятал его после случая с «антресолью», и назвал оружием против «ничтожеств», у меня не возникло никаких сомнений в том, что это правда. Выяснилось, что полупрозрачный камень, излучающий волшебный свет, имел неземное происхождение.

– Его название – арктурин, и встречается он только у нас на Арктурии, – рассказывал отец.

– Арктурин? – повторил я, и, чтобы легче было запомнить, подыскал похожее слово. – Арктурин – аквамарин!

Отец продолжал говорить:

– Этот камень может удерживать в себе энергию Арктура, нашего солнца. Структура арктурин улавливает и впитывает звёздный свет, как губка, накапливая в огромном количестве. Чтобы заставить камень засиять, арктуриняне воздействуют на него силой мысли, точно так же, как пользуются ей для полетов в космос. Но для удобства я встроил в полость камня обычную электрическую лампочку и батарейки, так арктурин загорается быстрее: щёлкая выключателем, ты ожидаешь, что лампочка загорится, и это ожидание достаточно сильное для того, чтобы зажечь весь арктурин. Точно так же он и выключается. Сила мысли начинается с уверенности, понимаешь? Я вполне мог бы обойтись без лампочки, но тут кроется одна хитрость: таким образом я ещё и замаскировал арктурин под светильник, ведь мама и так ругает меня, что я храню всякий хлам. Беспольный, по её мнению, предмет она и выбросить может, а светильник – это всё-таки нужная вещь.

Послышался щелчок тумблера. Ослепительное сияние хлынуло на нас резкой вспышкой и тотчас исчезло вместе с новым щелчком: отец выключил лампу и произнес:

– Нельзя светить впустую. Запасы звёздного света в арктурине не бесконечны, они могут иссякнуть, и если это произойдет в процессе нейтрализации «ничтожества», то защитник заплатит жизнью.

Голос отца звучал очень серьезно, даже тревожно, и мне стало страшно: я вдруг чётко осознал, что космические ничтожества – это реальные убийцы, а не монстры вроде тех, что населяют компьютерные игры и фантастические блокбастеры. И от того, что оружием против них была не лазерная пушка, а камень, замаскированный под обычный светильник, они не казались менее опасными. Мне хотелось узнать, как действует это оружие, и я спросил об этом отца. Он принялся объяснять:

– «Ничтожества» поглощают и расщепляют всё подряд, в том числе и свет, поэтому они не отбрасывают тени в солнечный день. Но свет Арктура отличается особой силой, способной внедриться в «ничтожество» и отразиться от него. Отражаясь, свет забирает с собой поглощённые космическим паразитом частицы и разрушает его тело до полного исчезновения. В то же время освободившиеся частицы под воздействием звёздного света наполняются энергией и становятся тем, чем были прежде.

Я беспомощно потряс головой, тщетно пытаясь постичь смысл услышанного.

– Ничего не понял? – догадался отец. – Проще говоря, всё, съеденное и переваренное «ничтожеством», после его гибели воссоздается заново и возвращается к жизни, если было живым. А живое – это любимая пища паразитов, хотя они всеядны и могут есть даже камни, так же, как и чёрная дыра. Но их привлекает энергия, которая делает неживое живым, и в первую очередь они нападают на взрослых людей. Дети и подростки для них, как зеленые яблоки для садового червя, который поражает в первую очередь самые спелые плоды, но, в конце концов, добирается и до незрелых. Проглотив человека, «ничтожества» получают доступ ко всей информации, содержащейся в его мозге, поэтому могут притвориться им и начать жить его жизнью. Так они незаметно внедряются в города и постепенно захватывают планету целиком.

– Это значит, что ничтожество может притвориться даже... нашей мамой? – прошептал я, холодея от ужаса. – И мы даже не узнаем об этом?!

– Не узнали бы, если бы не обладали особым зрением, – ответил отец. – Для этого и нужны защитники, которые способны разглядеть врага.

– А если врагов окажется слишком много? Или они будут так далеко, что защитник не сможет их увидеть?

– Для этого и существуют зоны, закрепленные за каждым защитником. Свет одного арктурин способен притянуть к себе всех ничтожеств, поселившихся в этой зоне, и нейтрализовать их. Но в том случае, если ничтожеств окажется слишком много, а такое может произойти, если упустить момент и дать им окрепнуть, тогда камень не сможет с ними справиться, и случится страшная трагедия. Поэтому защитники внимательно следят за всеми признаками, сопровождающими появление паразитов. Главный признак – низкие тучи, которыми «ничтожества» прикрываются от солнечного света. И, хотя не всякий свет для них губителен, они не переносят его и создают над собой защиту. Такие тучи перемещаются вслед за ними, но внешне почти не отличаются от обычных дождевых туч. В пасмурный день их особенно трудно определить, но, если присмотреться, то можно заметить тёмные пятна, движущиеся отдельно от основной воздушной массы. Тогда защитник должен уйти в безлюдное место и зажечь арктурин, но каждый раз он рискует своей жизнью, потому что не знает, хватит ли звёздного света, накопленного в камне, для нейтрализации всех паразитов. Если нет – они одолеют его и переварят в ничто. После этого зона, где погиб защитник, тоже погибнет, а ничтожества нападут на другую зону, и будет их уже так много, что арктурин другого защитника тоже может не справиться. Тогда начнется цепная реакция, которая приведет к гибели всей планеты. Сожрав на ней все живое, «ничтожества» разорвут ее на части – к тому времени они станут достаточно сильны для этого, и очередной поток метеоритов полетит к Ничто, чтобы исчезнуть там навсегда. Какая-то часть обломков, кишящих «ничтожествами», рассеется в космосе и однажды осядет на других планетах, где все повторится с начала.

Я охнул, вспомнив вереницу камней, пропадающих в чёрной дыре. Неужели это были обломки погибшей планеты?! В тот момент во мне как будто что-то перевернулось. Я понял, что никогда уже не смогу быть прежним беззаботным мальчишкой, который мечтает о всяких глупостях вроде того, как получить в подарок новый смартфон, пройти все уровни в компьютерной игре или, на худой конец, хоть раз плюнуть дальше Кольки Харчка на перемене за школой. Я будто бы мгновенно повзрослел, узнав цену мирной спокойной жизни. Мне никогда уже

не удастся забыть о космической угрозе и о том, что я могу защитить от неё мою планету. Мою маму, моих родственников, друзей и всех людей, которых я не знаю и никогда не увижу.

«Не все могут сами постоять за себя», – мысленно повторил я слова отца, уверенный в тот миг, что, как и он, стану защитником.

Тогда мне было десять лет. Мой отец исчез вскоре после этого разговора, так и не успев научить меня самостоятельным полетам в космос. Несколько раз мы летали вместе, и я пытался определять, где начинается «зона невозврата», или, как ещё оно называлось по-научному, «горизонт событий», невидимую грань перед чёрной дырой, после пересечения которой преодолеть силу её притяжения было невозможно. И, хотя увидеть границы самой «дыры» не составляло труда – звёздный свет струился волнами, чётко обозначая её контуры – но невидимые гравитационные «сети», разбросанные вокруг, превращали её в коварную ловушку. Чтобы распознать их, нужно было следить за формой космических тел: попав под влияние гравитационного поля, они начинали вытягиваться. В этом месте траектория нашего полета менялась, и мы летели параллельно чёрной дыре до тех пор, пока она не оставалась далеко позади. Тогда можно было вернуться к первоначальному курсу, ведущему к Арктуру и Арктурию, находившемуся на его орбите, но мне так и не довелось побывать на родине отца: он всё откладывал посещение родной планеты, утверждая, что это подождёт до тех пор, пока я не научусь сам проходить мимо чёрной дыры. Он был уверен, что времени у нас ещё много: науку полетов я должен был освоить до тринадцати лет, а мне не было ещё и одиннадцати.

Временами я гонял шарики в УУМе. Их количество увеличивалось с каждым пройденным заданием, а размер шариков при этом уменьшался до тех пор, пока я совсем не перестал их видеть: это были уже не шарики, а точки, слившиеся между собой и сложившиеся в трёхмерные фигуры, поэтому мне требовалось всё больше мысленных усилий, чтобы разобрать эти конструкции на неделимые составляющие. А разобрав, ещё и собрать в том же порядке, ничего не перепутав. Если я ошибался, экран УУМ вспыхивал красным, задание сбрасывалось и приходилось начинать его с начала. Лишь после успешного выполнения открывалось новое задание, ещё сложнее. Появились изображения предметов, и я проделывал с ними то же, что и с геометрическими фигурами – разбирал до основания на микроскопические точки и собирал заново. Однажды УУМ выдал мне массу точек в виде цветного пятна, и я должен был придать ему форму. То есть, прежде чем собрать из точек изображение предмета, требовалось понять, что это такое. Не знаю, каким образом, но мне удалось пройти и это задание, и последующие, когда экран стал прозрачным, и, глядя сквозь него, я разбирал и собирал уже не картинки, а реальные предметы, наполнявшие мою комнату: карандаши, книги и даже мебель. Я чувствовал себя почти волшебником и медленно, но верно, приближался к главной цели: однажды мне предстояло разобрать на микрочастицы собственное тело, чтобы самостоятельно отправиться в полёт. Оставалось всего с десятков не пройденных заданий. Я знал об этом, потому что их количество высвечивалось в нижнем правом углу экрана после каждого включения устройства, но потом цифры исчезали. Наверное, так было задумано, чтобы не мешать глазам во время учебного процесса.

«Еще пара занятий по пять упражнений – и тебе можно будет начинать экспериментировать с трансформацией своего тела», – сказал отец, довольный моими успехами, а на следующий день, вернувшись с работы позже обычного, с расстроенным видом сообщил мне, что... потерял УУМ!

– Ничего страшного. – Он попытался успокоить меня, готового разрыдаться от горя. – Справишься и без тренажёра. Ты уже почти что всему научился.

– Может быть, он ещё найдется? – Мне было трудно смириться с утратой такой увлекательной инопланетной вещицы.

– Пожалуй, вряд ли. – Отец скрипнул зубами, словно хотел сдержать какие-то слова, но не смог и выдавил глухо: – Кажется, его украли!

– Тот физик? – ахнул я.

– Не знаю. Но ничего. Слетаем с тобой на Арктурий и ты выберешь себе новый, в сто раз лучше. Там этих штукovin полно!

Это меня утешило. Я сразу забыл про УУМ и весь просиял от предвкушения увлекательного путешествия на родную планету отца.

Но всё сложилось иначе.

Вернувшись однажды из школы домой, я застал маму плачущей. Она была в своей комнате и, наверное, не услышала, как я вошёл, потому что продолжала с кем-то говорить, жалобно бормоча сквозь рыдания и всхлипы: «Я знала, что этим кончится! Всегда знала! Говорила ему – иди, лечись, но он разве слушал?! Как теперь людям в глаза-то смотреть? Хорошо хоть, что настояла на разных школах, а то затравили бы сына...» Дождавшись, когда мамин голос смолкнет, я подошёл и заглянул в родительскую спальню. Она сидела в кресле, прижимая к щеке телефон и уставившись в окно, поэтому не видела меня. Из динамика доносилась чья-то неразборчивая речь с успокаивающими интонациями. Некоторое время мама слушала, кивая, потом воскликнула: «Ах, что ты! Ничего не наладится! Это уже всё! Зачем мне муж с клеймом физика? Хватит с меня сюрпризов... Что ребенок? А что ребенок? Ему только лучше будет, если я избавлю его от дурного влияния!»

Я понял, что речь шла об отце. От внезапно накатившей слабости мои ноги подкосились, и в правом колене что-то сухо щёлкнуло. Мама резко обернулась и, как мне показалось, смутилась, увидев меня. Наскоро распрощавшись, она положила телефон на прикроватный столик, отерла лицо ладонями и уже совсем другим, искусственно невозмутимым голосом спросила:

– Есть хочешь?

Вместо ответа я выпалил:

– Что с папой?! Где он?

– Папа сегодня не придёт, – произнесла она так медленно, будто на ходу придумывала, что соврать.

Я понял, что расспросы бесполезны, но всё же попытался выяснить хоть что-то:

– Что случилось с папой, мам?

– Ничего страшного, милый. Не переживай, с ним всё будет хорошо. – Мама попыталась улыбнуться, но лучше бы она этого не делала.

– Почему «будет»? А сейчас что, не хорошо? – Я, наоборот, напрягся.

– Не цепляйся к словам! – воскликнула она раздражённо. – Я очень устала и не могу сейчас об этом говорить.

– Когда он придёт?! – Мой голос непроизвольно набрал высоту.

– Да я понятия не имею! – Она вскочила и, заливаясь слезами, понеслась на меня. Лицо у нее было очень злое.

Я подумал, что она собирается меня ударить, и отшатнулся. В следующий миг дверь спальни захлопнулась перед моим носом.

С тех пор отец так и не вернулся домой. Других родственников, кроме меня и мамы, у него не было, и я не знал, у кого спросить, что с ним произошло. Поначалу я ещё пытался вызнать у мамы правду, но только доводил ее до истерики и ничего вразумительного так и не добился, поэтому оставил в покое. Время шло, а вопросы продолжали терзать меня всё сильнее, и каждый раз, когда мой взгляд натыкался на вещи отца, в моей груди, казалось, вспыхивали, языки пламени, обжигая так, что наворачивались слёзы. В шкафу по-прежнему висели его костюмы и рубашки, под диваном виднелись носки стоптанных тапочек, «антресоль» была все так же забита, как выражалась мама, «космическим хламом» (туда я заглядывал время от времени, чтобы проверить, не выбросила ли она все папины сокровища на помойку), а в ванной, в фарфоровом стаканчике, торчала его зубная щётка, – наша квартира выглядела так, словно отец никуда не пропал. Все вещи лежали там, где он их оставил.

Все, кроме волшебной лампы.

Я обнаружил её исчезновение на следующий день после того, как понял, что с отцом что-то случилось. Вначале я проверил тайник под шкафом, – деревянная планка между нижним краем дверцы и полом откидывалась, если нажать на нее, и за ней открывалась вместительная ниша, в которой можно было много чего спрятать. Тайник оказался пуст. Тогда я во время маминого отсутствия исследовал «антресоль» и перебрал в ней весь «космический хлам», но ничего похожего на арктурин не нашёл. Перевернув вверх дном всю квартиру, я убедился, что звёздного камня в доме нет, и это меня озадачило: вряд ли мама его выбросила, ведь в этом случае одним камнем бы не обошлось, а значит, отец забрал его перед тем, как исчезнуть. Может быть, он засек присутствие «ничтожеств» и отправился их нейтрализовать? Что, если запаса света в арктурине не хватило, паразиты одержали верх и отец погиб?! Но тогда они могут быть уже повсюду!

Это предположение не на шутку меня перепугало, и некоторое время я, умирая от страха, присматривался к людям, разглядывая их боковым зрением и пытаясь определить, не расплываются ли контуры их тел. Наверное, я выглядел очень странно, потому что всё время косил глазами в разные стороны. Люди тоже косились на меня, иногда настороженно, но чаще – с сочувствием: похоже, все они думали, что я больной. Под конец дня у меня страшно ныли глаза, и я, опасаясь нажать себе настоящее косоглазие, в конце концов, бросил эту затею.

Надежда на возвращение отца не оставляла меня до тех пор, пока в доме хранились его вещи. Хотя мама и убрала их на верхние полки шкафов, но всё же не выбрасывала, как будто тоже его ждала. Каждый день я заглядывал в антресоль, проверяя, на месте ли «космический хлам»: мне казалось, что, если мама вздумает избавиться от папиных вещей, то начнет именно с него. Убедившись, что «хлам» на месте и выглядит нетронутым, я успокаивался и продолжал верить в то, что однажды услышу долгожданный скрежет ключа в дверном замке, знакомые шаги, шорох одежды, и тогда брошусь со всех ног в прихожую, чтобы уткнуться лицом в отцовскую куртку, пропахшую космосом.

Однажды, спустя полгода тщетных ожиданий, в нашей квартире раздался мужской голос, и моё радостно подпрыгнувшее сердце тотчас тревожно сжалось: голос был чужой. Внутреннее чутьё и то, как ласково мама щебетала, беседуя с незнакомцем, подсказали мне, что к нам явился не сантехник, не сосед, заглянувший по бытовым вопросам, не случайный человек. На душе вдруг стало тоскливо от мысли, что он пришёл навсегда, и я не ошибся: впервые переступив порог, Удав сразу повел себя по-хозяйски и помог маме выгрузить на лестничную площадку все папины вещи, откуда их вскоре забрали люди в спецодежде, поместили в грузовик и увезли куда-то.

А Удав остался у нас жить.

Перебирая воспоминания о том, как появился Славик, о разбитых окнах в школе и о подлом поступке Удава, заставившего маму соврать мне, что велосипед прислал мой отец, я постепенно возвращался в реальность, а когда замолчал, вдруг заметил, что Крестя загадочно улыбается. Во мне вспыхнула злость от мысли, что она смеётся надо мной. Приготовившись к её ехидным шуткам, я и не предполагал, что услышу нечто совершенно потрясающее. Крестя придвинулась ко мне, взяла меня за руку, встряхнула её слегка и произнесла с таким видом, будто поздравляла меня с крупным выигрышем в лотерею:

– Я знаю, где твоя волшебная лампа!

Лестница в небеса

Вот это была новость так новость! Я разволновался, вскочил на ноги и гаркнул голосом бешеного ворона:

– Где?!

– В моей школе, в кабинете физики, в шкафу, где всякие штуки для опытов хранятся.

– А ты уверена, что это она?

– Сто процентов! – Крестя кивнула для убедительности. – Я видела, как твой отец сам поставил её туда за день до задержания. С тех пор она так там и пылится. Не знаю, почему он её не забрал. Может быть, не успел просто. Говорили, что его полицейские прямо из класса под руки вывели.

– Конечно, не успел. – Я сжал кулаки и нахмурился. – Вот гады! Выходит, они ему даже домой зайти не дали, иначе он бы всё мне объяснил!

– Мне очень жаль. – Крестя, все ещё сидевшая на траве, устремила на меня сочувственный взгляд.

– Покажешь, где твоя школа? – спросил я, готовый немедленно помчаться за лампой, но подруга охладила мой пыл:

– Сегодня выходной, никто тебя туда не пустит. И потом, шкафы запираются на замок. Как ты собираешься забрать лампу? Устроишь кражу со взломом или грабёж среди бела дня?

– Зачем? – удивился я. – Просто попрошу учителя отдать её мне, так и объясню, что это лампа моего отца.

– Ой, даже не знаю, станет ли он тебя слушать! – Она вскинула брови, и на лбу, прикрытом полупрозрачной рыжей челкой, обозначились две тонкие длинные морщинки. – Наш физик слишком вредный, сомневаюсь, что он отдаст что-то просто так. Да ещё... тот мальчик, который погиб... ну, который с крыши упал, считая, что взлетит... это был лучший ученик из его класса.

– Вот как?! – Потрясённый, я сел обратно рядом с Крестей. – Да-а... Вряд ли физик обрадуется моему появлению, особенно, если это тот самый физик. Что же делать? Может, к директору сходить? Он не имеет права отказать! Это же вещь моего отца!

Крестя не ответила. Я тоже не знал, что ещё сказать. Сидел и слушал шелест камышей, глядя в наливающееся сумеречной тяжестью небо и представляя, что отец сейчас рядом со мной и мы, как обычно, ждём восхода Арктура. Мой взгляд по привычке устремился в то место, где должна была появиться эта красноватая крупная звезда, и мне показалось, что в грязно-фиолетовой вышине уже видны её слабые проблески. Странно было сидеть на Космическом холме, смотреть на разгорающиеся в небе звёзды и знать, что на этот раз полетать среди них мне не удастся. Да и не только на этот раз. Вряд ли мне хватит духу когда-нибудь решиться на самостоятельный полет.

Рядом раздалось шуршание: Крестя начала собирать вещи в сумку.

– Пора идти, уже темнеет! – заявила она, укладывая в папку высохший рисунок с клёнами.

– Можешь отдать мне свой пейзаж? – попросил я, вспомнив о том, что подруга нарисовала его по просьбе моего отца, приснившегося ей. Мне хотелось как следует рассмотреть его и поломать голову над тем, что может означать жёлтая лента и странные слова, написанные прямо на поверхности озера.

– Забирай, мне он всё равно не нравится! – сразу согласилась Крестя. – Бери вместе с папкой, чтобы не помялся.

Я уже протянул руку, чтобы взять у неё листок, как вдруг внезапный порыв ветра вырвал его из её пальцев, подбросил ввысь и понёс прочь. Листок закружился в воздухе, стремительно удаляясь.

Мы с Кристей одновременно вздохнули, провожая его грустным взглядом.

– Прости, не удержал! – промямлил я виновато.

– Подумаешь! Ещё нарисую! – невозмутимо ответила Кристя, но по её глазам было видно, что она огорчилась.

Мы спустились с холма и направились по тропинке, пролегавшей между камышовых зарослей, в сторону вздымавшихся над лесным массивом городских многоэтажек и упиравшихся в небо заводских труб, из которых валил серый дым. Я предложил проводить Кристю до дома, и оказалось, что она живет недалеко от меня, всего через две улицы. По дороге я выпросил, где находится её школа, сообщив, что всё же хочу встретиться с директором и попробовать уговорить его отдать мне лампу.

Школа, где училась Кристя, находилась в отдалённой части города. Подруга объяснила, что раньше жила в том районе, а потом переехала в наш, но переходить в школу по новому месту жительства не захотела.

Я отправился туда на следующий день, сразу же после занятий. Трёхэтажное здание школы скрывалось в гуще кирпичных новостроек, но я без труда отыскал его благодаря подсказке Кристи: ориентиром служило высившееся поблизости скопище труб законсервированной теплоэлектроцентрали, которую, по словам подруги, собирались сносить, потому что недавно запустили новую.

Низкие и широкие конусообразные трубы походили на гигантские пузатые вазы, а может, это были и не трубы вовсе, а что-то вроде резервуаров. Из таких же точно сооружений на других ТЭЦ обычно шёл не дым, а пар, как от кипятка. Эти же, за Кристиной школой, явно не работали: над их горловинами я не заметил никаких испарений. Лишь одна труба поднималась до самого неба, вонзаясь в туман своей верхушкой, и нельзя было разглядеть, дымит она или нет. По всей поверхности через равные промежутки трубу опоясывали железные сетчатые кольца смотровых площадок. Я поёжился, представив, как страшно должно быть на последней площадке, у самого верха, и подумал, что вряд ли смог бы подняться на такую высоту. А ведь рабочим наверняка не раз приходилось это делать!

Показалось, что в моем животе проснулся осьминог и заворочался, заелозил скользкими холодными щупальцами, – так проявлялась моя боязнь высоты. Даже голова закружилась. Да уж, чего-чего, а высоты я боялся до смерти! Даже странно: и как это у меня получалось летать в космосе совершенно спокойно? Наверное, потому, что там нельзя было никуда упасть из-за отсутствия гравитации. Хотя возле чёрной дыры она была. Но вряд ли я ещё когда-нибудь окажусь там, да и на площадку этой трубы лезть не собираюсь. Нечего бояться!

Я перевёл взгляд с трубы на здание школы и ускорил шаг, но сетчатые обручи, опоясывающие трубу, почему-то стояли перед глазами всю дорогу, пока я не поднялся на крыльцо.

Пропуска у меня не было, пришлось соврать, что забыл дома. Вахтёрша молча открыла мне железную вертушку и даже не глянула в мою сторону: наверное, тут полно ходило таких забывчивых. С уверенным видом я направился по коридору, хотя понятия не имел, куда идти. Только свернув за угол, где вахтёрша уже не могла меня видеть, начал озираться в поисках лестницы. Кристя говорила, что кабинет директора на втором этаже. Оглядевшись, я понял, почему Кристя не захотела переходить в мою школу: здесь было гораздо лучше – всё новое, яркое, нигде никакой обшарпанности. Но мне было приятно смотреть вокруг ещё и потому, что в этой школе работал мой отец. Я догадывался, что выглядел со стороны полным идиотом, когда шёл и пялился на двери и стены так, словно находился в картинной галерее. Жалко, что меня не отдали в эту школу: хоть она и далеко от дома, но я мог бы ездить на занятия вместе с

отцом. Однажды я заикнулся об этом маме, но она сердито фыркнула и сказала, как отрезала: «Не хватало, чтоб ещё и ты пострадал из-за его подмоченной репутации!»

Увидев лестницу, я пошёл наверх, скользя рукой по хромированным перилам и заодно разглядывая в них своё расплывчатое отражение: не торчат ли вихры на макушке? На всякий случай пригладил волосы и чуть сдвинул брови, чтобы казаться серьёзнее: разговор-то предстоял непростой. Как директор отнесётся к моей просьбе? Станет ли вообще слушать меня, тем более что моего отца обвинили в смерти ученика!

Перед дверью в приёмную на меня накатила такой страх, что меня заколотило, как в ознобе, но я собрал волю в кулак и вошёл: всё-таки предстоящий разговор с директором пугал меня не так сильно, как высота. Я вдруг поймал себя на том, что всё ещё думаю о трубе на заброшенной ТЭЦ. Неприятный холодок пробежал по спине. «Как будто плохое предчувствие», – подумал я и, как впоследствии выяснилось, оказался прав. Строгого вида женщина непонятного возраста, склонившаяся над столом, заваленным кипами бумаг, уставилась на меня, резко вскинув голову, и рявкнула так, что я чуть не выскочил обратно:

– Куда?! Кто такой?!

По её взгляду я сразу понял, что врать бессмысленно: казалось, она видит меня насквозь и наверняка знает, что я не из этой школы. Я запаниковал и смог выдавить из себя только еле слышное «Здрасьте!», ожидая настоящего допроса.

Тут вдруг дверь за моей спиной распахнулась, и я шагнул в сторону, пропуская худощавого и очень высокого мужчину. Тот остановился и глянул на меня с интересом. Наверное, тоже знал всех учеников в лицо, как и строгая дама, и увидел во мне чужака. По выражению его лица нетрудно было догадаться, что он тут самый главный.

– Меня поджидаешь? – спросил он.

От волнения у меня перехватило горло, и ответить я не смог, лишь кивнул.

– Ну, проходи! – Его рука показалась мне невероятно длинной, когда он легко дотянулся до ручки соседней двери и распахнул её передо мной.

Мы вошли. Я тут же громко затараторил, не оставляя ему шанса перебить меня, и выложил все как на духу: о том, что мой отец исчез год назад, а подробности случившегося стали известны мне только вчера, после того как я познакомился с ученицей этой школы и узнал от неё, что отца обвинили в гибели ученика, признали невменяемым и отправили на принудительное лечение в психбольницу. Рассказал я и о лампе, оставленной отцом в кабинете физики, и заявил, что хотел бы забрать её на память.

Не уверен, что я был достаточно убедителен, но директор слушал меня внимательно и даже кивал иногда. Когда я выпалил последнее слово, он вздохнул и посмотрел на меня таким понимающим взглядом, что я тотчас воспрянул духом.

– Твой отец был хорошим учителем, – медленно произнёс он, отводя взгляд в сторону. – Мне хочется верить, что он ни в чём не виноват. Ведь следствию так и не удалось установить истинную причину гибели мальчика.

– Разве этот мальчик не упал с крыши? – удивился я.

– В заключении экспертизы значится, что он упал с высоты, намного превышающей высоту нашей школы. В десятки раз! То есть, получается, что погиб он где-то в другом месте, а потом каким-то образом его тело оказалось на нашем школьном дворе, в паре метров от стены здания.

– Как странно! – потрясённо обронил я.

– Да, но следователь не стал в этом разбираться, посчитав, что эксперты ошиблись. Тем более что твой отец, известный в коллективе своими смелыми суждениями о сверхъестественных возможностях человека, вёл у нас в школе факультативные занятия по астрономии, которые посещал погибший мальчик. Зачем искать другое место гибели и другого виновника, когда

они уже найдены? Проще закрыть глаза на обстоятельство, ломающее основную версию, а заодно и закрыть дело.

– Но как же так?! Это же несправедливо!

– Одноклассники мальчика рассказали, что незадолго до гибели он хвастался им своими способностями, похожими на те, о которых говорил коллегам твой отец: что-то о распылении тела силой мысли и перемещении в космосе. Другой учитель физики подтвердил, что лично слышал эту информацию от твоего отца, поэтому уверен, что тот косвенно виноват в гибели ученика. И хотя для обвинения доказательств было недостаточно, твой отец не стал ничего отрицать – более того, подтвердил, что способен перемещаться в космическом пространстве, переходя в газообразное состояние, и заявил, что он – инопланетянин. Понятно, что следствие усомнилось в его адекватности. Мне очень жаль... прости, я не успел спросить твое имя.

– Миша, – запоздало представился я.

– Михаил Игоревич, значит. Что ж, думаю, ты можешь забрать свою лампу. Идем, я скажу учителю, чтобы он отдал её тебе.

Физик, к которому мы с директором пришли за лампой, оказался очень уж нервным типом. Едва он увидел нас в дверях, глаза так и забегали, будто мы были полицейскими и застукали его на месте преступления. Аж весь побелел, хотя директор ещё и слова ему не сказал. Потом, правда, изо всех сил старался казаться невозмутимым, но я-то уже всё заметил. Он выглядел старше моего отца, низенький и сутулый, ещё не старик, но волосы седые, будто пеплом присыпаны. Глаза маленькие и круглые, как птичьи, а нос на грачиный клюв похож – огромный и далеко выступающий вперед.

Права была Крестя: отдавать лампу он не захотел. Хорошо, что я один к нему не сунулся – ушел бы несолоно хлебавши. Выслушав директора, физик так яростно завертел головой, будто сам себе хотел её открутить.

– Никаких посторонних вещей в классе нет! – воскликнул он противным тонким голосом. – Я уверяю вас! Зачем мне чужие вещи, да ещё какие-то бытовые электроприборы?!

Это он так о лампе сказал. Директор недоверчиво хмыкнул:

– И все же давайте вместе посмотрим. – И, повернувшись ко мне, спросил: – Ты помнишь, как выглядит эта лампа?

– Ещё бы, она же всё время дома у нас была! А потом отец её зачем-то на работу отнес!

Я давно заметил высокие застеклённые шкафы из тёмного дерева, стоявшие вдоль стен в конце класса, за последним рядом парт, и теперь решительно направился к ним. Физик пронесся мимо меня, как торнадо, и встал между мной и шкафами, растопырив руки, будто хотел защитить свое добро от грабителей.

– Здесь хранятся реквизиты для опытов! Никаких ламп нет! Прошу, не надо ничего трогать! Вы можете что-нибудь разбить или сломать!

Директор оттеснил его и открыл один из шкафов со словами:

– Мы и не собираемся ничего трогать, только заберём вещь, принадлежавшую отцу этого мальчика.

Физик недовольно зыркнул в мою сторону. Я отвёл взгляд и посмотрел на полки, заставленные всякой всячиной. На одной из них величественно возвышался мой арктурин.

– Да вот же наша лампа! – радостно воскликнул я, протягивая руки.

Физик схватил звёздный камень на долю секунды раньше, чем я успел к нему прикоснуться.

– Что за глупости?! Это собственность школы, здесь даже инвентарный номер наклеен! Посмотрите! – Он перевернул арктурин и постучал согнутым пальцем по чёрной пластиковой подставке, на которой белела какая-то бумажка с цифрами, приклеенная скотчем. – Видите? Это казённая вещь! – верещал он, глядя на директора, а меня будто больше и не замечал.

Директор забрал лампу из рук физика и непреклонным тоном произнес:

– Я проверю номер в инвентарной базе, и если это так, сразу верну вам.

Держа перед собой арктурин, как победный трофей, директор в несколько шагов достиг двери и вышел из класса. Мне пришлось ускориться, следуя за ним: оставаться наедине с физиком я не хотел ни на секунду. Но перед тем как выйти в коридор, я обернулся, бросил в его сторону торжествующий взгляд и скривился в ехидной ухмылке.

Вернувшись в свой кабинет, директор сел за компьютер, пару минут пощёлкал мышкой, удивлённо подёргал бровями и отдал мне лампу со словами:

– С инвентарным номером какая-то ошибка, за ним значится учительский стул. Не знаю, кому понадобилось клеить этот номер на твою лампу. Думаю, просто перепутали. Забирай смело.

– Спасибо! – радостно воскликнул я и вдруг выпалил то, что давно уже вертелось на языке: – А вы не знаете, в какой больнице сейчас мой отец?

Директор ответил без промедления, будто ждал этого вопроса.

– Знаю, но тебя туда все равно не пропустят. Я могу навести справки насчет свиданий с пациентами и сообщить тебе, если ты оставишь свой телефон.

Я продиктовал ему номер, попрощался и, прижимая к себе арктурин, вылетел из школы, как на крыльях.

На просторной площадке перед школьным крыльцом яблоку негде было упасть: занятия закончились, но не все ученики спешили домой. Некоторые стояли группами, оживленно болтая о чём-то, и то и дело взрывались от хохота. В основном, это были мальчишки. Они задирали проходящих мимо девчонок, отпуская шуточки и выкрикивая сомнительные комплименты.

– Эй, Наташка, когда успела такие ноги отрастить?

– Черняева, стой! Говорят, ты язык проколола! Покажешь пирсинг?

– Синицына, куда бежишь? Осторожнее на поворотах, а то занесёт ещё с такой кормой!

Меня удивило, что девчонки почти не обращали внимания на эти издевки, лишь оборачивались и окидывали шутников высокомерным взглядом. Нравилось им это, что ли? Я б на их месте такое точно не стерпел.

Один из мальчишек, рослый, заметно выше своих приятелей, отделился от компании и, протянув руку, дернул спешащую мимо девчонку за волосы, собранные в хвостики. Та вскрикнула, обернулась, и я узнал в ней Крестю.

А потом, не знаю как, в один миг очутился между ней и её обидчиком, будто меня смело с крыльца ураганом. Одной рукой прижимая к себе арктурин, другой я что было сил толкнул нахала в его могучее округлое плечо, но не то что с места его не сдвинул, а сам почему-то отлетел назад и позорно завалился на спину. Наверное, он тоже толкнул меня, но от шока я этого не понял, только почувствовал, как арктурин вылетел из захвата и покатился по асфальту прямо к ногам моего противника.

– Это что ещё за булыжник? – пробасил тот, поддевая мой космический камень носком кроссовки, будто примеряясь перед тем, как зафутболить его куда подальше.

– Ден, не трогай! – раздался испуганный голос Кристи. – Пожалуйста! Это очень... очень ценная вещь!

Мальчишка недоверчиво хмыкнул в ответ:

– Ценная? Может, ещё скажешь – сокровище?

Не вставая, я всем телом бросился вперед, пытаясь схватить арктурин, но не успел: от удара ноги в чёрной кроссовке тот отлетел далеко в сторону. Другие мальчишки, стоявшие рядом, принялись пинать мою святыню, перебрасывая друг другу. Арктурин с сухим скрежетом бороздил асфальт, и мне казалось, что эти звуки оставляют царапины в моем сердце.

Поднявшись на ноги, я рванул было за камнем, но тот снова отлетел, оказавшись на этот раз у школьных ворот, а потом очередной пинок отправил его за территорию школы. Маль-

чишки во главе с наглецом, которого Кристя назвала Деном, погнали его дальше по улице, весело хохоча.

Я побежал следом, но, поравнявшись с толпой, вновь оказался сбит с ног и вытер собой несколько метров заплёванного тротуара. Злость заглушила боль, лицо горело, словно в него плеснули кипятком, а крик, самопроизвольно вырвавшийся из горла, донёсся до меня как будто со стороны, и смысл того, что я прокричал, дошёл до меня лишь спустя мгновение.

– Эй, вы, дебилы! Отдайте мою лампу! Она излучает звёздный свет! Это оружие против пришельцев! Они скоро захватят Землю, и тогда вам всем хана! Слышите?! Отдайте или превратитесь в ничто! Эй! От всех вас останется пустое место! Просто пустое место! Пусто-о-о-ое-е ме-е-есто-о!

Голос сорвался, и я обнаружил, что стою, согнувшись пополам от крика, и сверлю взглядом их удаляющиеся спины. Легкое прикосновение к плечу заставило меня резко выпрямиться и повернуться. Бледная Кристя испуганно смотрела на меня.

– Ну чего ты на Дена набросился? – спросила она, в недоумении вскинув тонкие рыжие брови.

Я оторопел. Станный вопрос. Что на это можно было ответить? Разглядывая веснушки на её носу, крошечные, как песчинки, я всё же сказал (вдруг она, и правда, не понимает):

– Я тебя защищал. Ведь не все могут сами постоять за себя.

– От кого защищал-то? – Она улыбнулась и посмотрела на меня так, будто я был умственно отсталый. Будто это я чего-то не понимал, а не она!

– Ну, как от кого? От Дена же. Чего он тебя за волосы дёргал? – продолжал я разжёвывать очевидное.

– Хах, ерунда какая! – Кристя подняла взгляд к небу. – Тоже мне, нашел угрозу! Прямо без тебя я бы не справилась!

Я почувствовал, что краснею от злости. Из-за неё потерял только что обретенный арктурин, а, выходит, зря старался! Ещё и посмеивается надо мной, вместо того чтобы «спасибо» сказать. Вот и заступайся за таких!

– Если у меня появится настоящий враг, я сразу тебе об этом скажу! – пообещала моя неблагодарная подруга – наверное, хотела меня этим успокоить. – Теперь я знаю, что у меня есть защитник!

– Настоящий враг! – буркнул я, передразнивая её. – Против настоящего врага, космического агрессора, защиты у нас нет. Эти гады забрали арктурин! Вот что теперь делать?

– Я знаю, где их искать! – поспешно воскликнула Кристя. – Они на территории старой ТЭЦ! Ден как-то хвастался, что они там по трубам лазают!

– Ну, так пошли! – Я воспрянул духом, хотя и не представлял себе, как буду отбирать звёздный камень у этого хулиганя.

Кристя, словно прочитав мои мысли, сказала:

– Ден не злой. Я попрошу его, и он сам отдаст.

– Вот ещё! Даже не вздумай унижаться! – вспыхнул я. – Только покажи мне дорогу туда, а дальше я сам разберусь.

– Гляньте на него, какой храбрый воробушек! – Кристя хихикнула, и от её смешка у меня внутри будто кольнуло что-то – очень больно, между прочим.

Я сердито прищурился и боднул её взглядом, но промолчал. Воробушек так воробушек. Какой смысл с ней спорить? Придет время – сама поймёт, как ошибалась.

Высоченная бетонная стена, увенчанная клубами колючей проволоки, казалась неприступной только издали. Старые крошащиеся плиты в рваных прорехах, похожих на оскалившиеся пасти чудовищ из-за торчащей по краям ржавой арматуры, просели и покосились, отчего в стыках между ними образовались приличные щели. Нам с Кристей оставалось лишь отыскать щель пошире, и мы, уловив момент, когда поблизости не было прохожих, юркнули в неё.

Может быть, из-за богатого воображения или от того, что я часто думал о космосе, но территория законсервированной ТЭЦ напомнила мне космодром. Тонкая и высокая полосатая труба, верхним концом пронзавшая туман, походила на ракету, готовую к запуску, а низкие широкие ёмкости, разбросанные посреди зелёного поля, представлялись мне резервуарами с ракетным топливом. Расположенное поодаль длинное невысокое здание с тремя рядами огромных тёмных окон смахивало на центр управления полетами, подвергшийся нападению агрессивных пришельцев: стёкла кое-где отсутствовали, а пятна отслоившейся штукатурки на стенах выглядели отметинами, оставшимися после обстрела.

Ватаги хулиганов нигде видно не было.

– Наверное, они за высокой трубой, – предположила Кристя. – Там, с обратной стороны, есть лестница. Это их излюбленный аттракцион.

При слове «лестница» у меня сжалось сердце. Воображение тотчас подбросило мне жуткую картину, будто бы я взбираюсь на трубу, а перекладина вдруг ломается под моей ногой, и я повисаю на руках в десятках метров от земли. От обсыпавших тело мурашек меня передёрнуло. Похоже, Кристя заметила, потому что сказала:

– Может, подождешь меня здесь, а я одна схожу?

– А, может, наоборот? – с напускной храбростью парировал я.

– Ну, ты даёшь! – Она насмешливо фыркнула. – Ты для них чужой, да к тому же сам в драку полез! Я-то с первого класса с ними учусь, они меня не тронут. Они вообще нормальные ребята, просто ты их разозлил.

– Разозлил! – повторил я возмущённо. – Откуда я знал, что тебе нравится, как твой Ден тебя за волосы дергает?! Пусть хоть все выдержит, больше пальцем не шевельну!

– Хорошо! – Она хитро улыбнулась и энергично кивнула, тряхнув своими рыжими хвостиками – нарочно, как я понял, чтоб меня позлить.

Знакомая компания, и в самом деле, собралась у подножия трубы возле лестницы, прикрытой решётчатым металлическим коробом. Дверца, вмонтированная в короб в самом низу, была распахнута и слегка покачивалась от ветра.

Мальчишек было шестеро. Все они загалдели наперебой, увидев нас, вывернувших из-за трубы. В мой адрес посыпались насмешки:

– О, Скайуокер явился! И где ж ты потерял свой лазерный меч?

– Да не, это не Скай! Сдаётся мне, что он межгалактический защитник, вроде тех, что из Корпуса Зелёных Фонарей. Ведь за фонарём же пришел!

– Не за фонарём, а за лампой!

– Да какая разница! Тоже ведь оружие против пришельцев!

– А что за фонарь? Чёт я не в курсе дела.

– Фильм такой есть, про космических супергероев. «Зелёный фонарь» называется. У них там фонари были главным оружием, энергию давали и всё такое.

– А, точно! Древний фильм, но суперский! И ещё у моего отца с детства сохранились комиксы про Зелёных Фонарей. Только вот у нашего защитника фонарь почему-то розовый. И даже не фонарь, а лампа!

– Да какая разница – зелёный или розовый, фонарь или лампа? Главное ведь, что это – оружие против пришельцев!

– Ты это уже говорил!

– Ну, так кто-то, видимо, не слышал.

– Что ж, придется отдать защитнику его фонарь, или лампу, а то как же он будет с космическими врагами сражаться? Только пусть вначале силовое кольцо покажет!

– Да нет у него кольца, не видите, что ли? Он самозванец! Гоните его отсюда!

– Но я точно слышал, как он говорил о пришельцах! Наверное, все-таки защитник!

– Я читал в комиксах, что Зеленые Фонари летают, как ракеты! Может, и он летать умеет?

– Эй, ты, защитник! Покажи, как летаешь!
– Да не взлетит он! На нем же специального костюма нет!
– Так пусть пойдет, в костюм переоденется! Мало ли кто может Зелёным Фонарем назваться. А доказательства где?

– Ну что вы, не понимаете, разве? Он же конспирацию должен соблюдать, чтобы космические злодеи его раньше времени не вычислили!

– А как мы тогда узнаем, что ему можно отдать фонарь?

– Запросто! Мы его на вшивость проверим!

– Как это?

– А пусть пройдет тест на лётнопригодность! Сейчас я его космический булыжник на верхушку трубы подниму, а потом вернусь и запру калитку. Вот и посмотрим тогда, как он взлетит! По другому-то ему свой фонарь не достать! – Эти слова были сказаны Деном, стоявшим возле лестницы с моим арктурином в руках.

Его предложение было встречено одобрительными возгласами:

– Здорово придумано!

– Правильно! Если он защитник, тогда взлетит, а нет, так пусть валит отсюда без фонаря!

– Точно! Не отдавать же космическое оружие всяким дурачкам!

Я по-бычьему пригнул голову, собираясь пойти на таран, но Крестя опередила меня, встав между мной и толпой кривлявшихся пацанов.

– Ден, я прошу тебя, отдай ему эту вещь!

– О, заступница нашлась! Дружок твой, что ли? – Губы Дена искривились в ехидной ухмылке.

– Да, он мой друг, и что?

– Не понимаю тебя. Вечно возишься со всякими сопляками!

– Сам ты сопляк! – крикнул я, выскакивая из-за Кресты.

Она удержала меня, вцепившись в рукав моей ветровки, и прошипела в ухо: «Не лезь!», а потом снова обратилась к Дену:

– Это сын нашего учителя Игоря Петровича. Он приходил забрать из кабинета физики лампу своего отца, она дорогá ему как память. Будь человеком, отдай!

– Ах, сы-ын! Ну, теперь понятно, откуда у него эти загоны о пришельцах! – Широкая улыбка Дена не предвещала ничего хорошего. – Тогда он тем более должен уметь летать, как и его папаша. Пусть покажет нам, вдруг и мы научимся?

– Прекращай дурацкие шутки! – Щёки Кресты побагровели от злости.

– Почему шутки? Я серьёзно говорю! Из-за его отца погиб наш друг, потому что поверил в бред этого поехавшего шизика!

– Никакой это не бред! Мой отец – инопланетянин, он, и правда, может летать в космосе получше ракет! Я тоже летал с ним, понятно?! – заорал я, вновь пытаюсь ринуться в бой.

Хохочущие приятели Дена обступили меня, кто-то скрутил мне руки за спиной, кто-то обхватил сзади за шею и плечи, удерживая. Крестя ахнула в ужасе, в её округлившись глазах задрожали слёзы.

– Что вы делаете?! Все на одного? Он же ещё маленький!

Я чуть не взвыл от обиды. Да пусть бы лучше меня избили до смерти, чем терпеть такой позор! Маленького нашла! Вот же дура!

Ден, демонстративно крутивший в руках мой арктурин, с довольным видом начал закидывать его в школьный рюкзак, предварительно вывалив всё его содержимое прямо себе под ноги. Тетради и учебники разлетелись вокруг, шурша страницами.

– Я скоро вернусь! – С этими словами предводитель хулиганской шайки начал подниматься по лестнице, прикрепленной к поверхности трубы. Потяжелевший рюкзак покачивался за его спиной из стороны в сторону.

Ден двигался очень быстро, уменьшаясь на глазах. Он ни разу не оглянулся и не посмотрел вниз, ловко перебираясь с одной перекладины на другую. Как ни был я зол на него, но тут зауважал, восхитившись такой смелостью. У меня бы на его месте все поджилки тряслись от страха!

Вскоре Ден совсем исчез из виду, скрывшись в туманной пелене, окутавшей верхушку трубы. Только подрагивание лестницы свидетельствовало о том, что он всё ещё взбирается по ней. Через какое-то время дрожание прекратилось, а сверху донёсся далёкий крик, похожий на победный клич Тарзана в джунглях. Друзья ответили ему восторженными воплями.

Через несколько минут Ден вернулся с пустым рюкзаком. Закрыв за собой металлическую дверцу решётчатого короба перед лестницей, он продел в петли дужку висячего замка, запер замок ключом, спрятал ключ в карман брюк и, довольно потирая ладони, обернулся. Наши взгляды встретились.

– Ну что ж, теперь мы посмотрим, как ты летаешь! Ведь ты же хочешь достать свой космический фонарь? Тьфу, то есть, лампу. Я оставил её на самой верхней площадке. Можешь забрать, я разрешаю!

– Ты запер лестницу. Дай ключ от решетки! – потребовала Кристя.

– Зачем ему лестница? – с притворным удивлением воскликнул Ден. – Он же твердил нам, что может улететь аж в космос! А тут – всего-то несколько десятков метров. Даже в стратосферу выходить не надо. Если не наврал, то справится, а наврал – значит, сам виноват! Ну так что? Когда стартанёшь? – ехидно спросил он у меня.

– Это не так просто, как ты думаешь! – ответил я, не зная, как объяснить, почему улететь в космос можно, а долететь до верхушки трубы – нет. Ведь я и сам этого не понимал.

– Всё с тобой ясно! Трепло! – Ден с явным удовлетворением – добился, чего хотел! – махнул рукой приятелям, подзывая их к себе. Меня тут же отпустили, и я снова оконфузился, плюхнувшись на землю, оттого что у меня подкосились ноги.

– Смотрите! Он уже и ходить-то разучился, куда ему летать! – крикнул кто-то, и вся компания разразилась диким хохотом.

– Бросай своего дурачка, идём с нами! – донёсся до меня голос Дена.

Это было сказано Кристе. Я посмотрел на неё, ожидая, что она ответит этому хаму что-нибудь дерзкое, но ответа не последовало: Кристя молча смотрела в сторону удалявшихся одноклассников. Ну и правильно! Зачем отвечать? Это же не её дурачкой назвали.

– Чего встала?! Беги, догоняй! – проворчал я, поднимаясь с земли и отряхивая брюки. На самом деле мне не хотелось, чтобы она уходила, просто от злости вырвалось.

Кристя удивлённо вытаращилась на меня.

– Ты чего?

– А чего тебе с малолетним дурачком возиться? Отчаливай! – продолжал грубить я, вспомнив, как она назвала меня «маленьким» при моих врагах. – Сама-то взрослая, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.